

НАХОДЯСЬ В ЭПИЦЕНТРЕ

СОФА ЛЕВИТИНА

Софа Левитина
Находясь в эпицентре

«Издательские решения»

Левитина С.

Находясь в эпицентре / С. Левитина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907898-8

Что может быть лучше друзей, которые всегда готовы помочь и поддержать? Медленно Салли собирает вокруг себя очень дружную компанию совершенно разных людей, каждый со своей историей. Если бы они были знакомы дольше, если бы доверяли друг другу немного больше, проблемы, с которыми они столкнулись, не застали бы их врасплох. Группа подростков по воле случая была втянута в подпольную войну, где им предстоит научиться ответственности, решительности и компромиссам.

ISBN 978-5-44-907898-8

© Левитина С.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	21
Глава 4	28
Глава 5	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Находясь в эпицентре

Софа Левитина

Автор обложки – Лейла Алекперова

© Софа Левитина, 2018

ISBN 978-5-4490-7898-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог Пожар

Маленький ребёнок, лежащий в своей кроватке, первый почувал дым. Клубки светло-серого, ещё безвредного газа проникали в нос и рот, заполняя лёгкие. Младенец зашёлся хриплым и надрывным кашлем, проснувшись. Немного разжав веки, мальши сразу пожалел об этом. Едкий туман осел на роговицу, отчего большие, похожие цветом и рисунком на Марс глазёнки наполнились слезами. Несколько секунд дитя осознавало происходящее, всё пыталось понять, больно ли ему на самом деле. Наконец затормозивший мозг дал первую реакцию на странные ощущения; мальши заплакал.

Слишком громко и протяжно загремел его плач в сонной и пустой комнате. Женищина, сладко спавшая на краю матраса, вскочила, кулаками потирая глаза. И остановилась статуй, забывшей, как дышать. Медленно приносясь, словно боясь узнать этот запах, девушка сделала пару шагов к кроватке. Очнувшись от оцепенения, молодая мама побежала в гостиную, стараясь потушить ещё не начавшийся пожар. Было поздно.

Алым пламенем горела только что привезённая мебель, огонь то бросался на шторы, то заключал в свои тёплые объятия коробки, которые ещё не успели вынести. Дым поднимался вверх, не давая дышать, надрывая лёгкие ужасным сухим кашлем задыхающегося человека. Глаза болели и отказывались работать, может, поэтому женищина пропустила момент, когда огонь, вскочив на дверную раму, отрезал её от младенца, оставив обоих на верную смерть.

Отчаянным и испуганным показался маме крик её ребёнка. Сердце ушло в пятки, разум в попытке достать его оттуда бросился туда же, захватив с собой инстинкт самосохранения. Одно спасло женищину при отчаянном прыжке в огонь – любовь. Она не почувствовала жара, не услышала запаха, который мог бы свидетельствовать, что она обгорела. Схватив малыша, женищина бросилась к окну в надежде, что успеет раньше своего горячего врага. Она только переехала и ещё не смогла привыкнуть, что теперь живёт на пятом этаже. Поняв, что прыгать невозможно, а выход был лишь один, женищина громко заплакала. Тем не менее, не желая терять последнюю надежду, молодая мама дёрнула за раму, и толстое стекло уступило место свежему ночному воздуху, отодвинувшись в угол комнаты. Спасительный воздух ударил в лицо, наладив поток беспорядочных мыслей. Ребёнок перестал плакать и задыхался полной грудью. Идея была опасная, но единственная.

Отвернувшись от окна, мать с малышом бросились в огонь. И опять не ощущался жар. И опять не было запаха. А может, они просто не чувствовали?

При последнем прыжке к входной двери девушка не закрыла глаза, чтобы с разбега открыть её и выбежать из злополучной квартиры. Она не закрыла глаза и увидела картину, которую приняла за видение, но запомнила навсегда. Огонь расступался перед отчаянной мамой с ребёнком на руках. Сдавался, бросался назад, уступал. Он не хотел опалить густую чёрную косу женищины и пухлые щёчки малыша. Не нужны ему были их раны. Он давал им проход, не смел задерживать. Справедливый, сильный, благородный. Вот как первый раз увидел огонь маленький ребёнок. Маленький ребёнок, внимательно смотрящий на пламя, впитывающая его своими глазами. Маленький ребёнок, долго не знавший, что в ту жаркую ночь великая и властная стихия выбрала его своим повелителем, своим другом и помощником. Маленький ребёнок, в карих бездонных глазах которого поселился огонь, воспламенивший души, такую же справедливую, сильную, благородную.

Глава 1

– Знаешь, Рин, я правда тебя очень люблю, – продолжая смеяться над нашим идиотизмом, еле проговорила я. У нас аж слёзы выступили от смеха.

Мы гуляли по чудесному заснеженному парку, а белые хлопья всё падали и падали с сероголубого неба. Всё вокруг было окутано великолепным холодным ковром, и хотя было ещё не больше трёх часов дня, фонари уже горели желтоватым светом. Моя собака бесилась где-то в недрах огромных сугробов, лишь изредка гавкая, обозначая своё местонахождение. Вся одежда у нас была мокрая, потому что наше Великое Снежное Побоище закончилось совсем недавно, между прочим, моей победой. А теперь, мокрые и весёлые, мы плелись на встречу с нашими друзьями, которые заметно опаздывали. Хотя им, в принципе, можно, только-только закончился их турнир по футболу, и, судя по их развеселённым голосам в трубке, они выиграли. В одно время с ними должен был подъехать и мой лучший друг Том. А ещё вроде хотела подскочить Бити, заодно притащив с собой свою собаку. Насколько я поняла, Яна с Даниэлкой подъедут через час, а Маша и её лучшая подруга будут здесь с минуты на минуту.

– Я тебя тоже люблю, но вот только в следующий раз ты так просто не отделаешься, – наконец отсмеявшись, ответила моя подруга.

В её волосах цвета тёмного шоколада блестели сильно выделяющиеся белые снежинки. А вот в тёмно-карих глазах сияли веселье и счастье. Обожаю видеть её такой. Её немного смуглому лицу очень шла улыбка до ушей и по-настоящему детский искренний смех. Возможно, никто и не заметил бы, насколько она сейчас красива, но для меня не обратить на это внимание невозможно.

У неё было что-то вроде депрессии, и ни один психиатр не мог понять, что же с ней. Она ни с того ни с сего началась, и, сколько мы ни пытались, нам никак не удавалось вывести её из апатии и регулярных вспышек ненависти ко всему миру. Наверное, месяц она пролежала дома, лишь изредка выходя на кухню поесть. У всех уже опустились руки. Мы всё ещё ходили к ней, разговаривали с ней, но результат был нулевой. В какой-то день мне так сильно надоело пустое место за партой рядом со мной, что я, больше не церемонясь, ворвалась к ней в квартиру, приказала сейчас же идти мыться – или я её помою сама, подобрала ей одежду, высушила ей волосы и накрасила. Катрина, посмотрев на себя в зеркало, немного приободрилась, но почему-то не захотела это показывать. Она не переставала ворчать себе под нос, как же она этого всего не хочет, что ей вообще не нравится выходить на улицу и что я не смогу её заставить. Смогла. Я буквально вытолкала её за дверь и заставила пойти со мной по магазинам. Тащить её на протяжении двух часов по улице было очень трудно, но результат того стоил. Мы походили по нашим любимым магазинам, зашли в кино на продолжение одного из наших любимых фильмов и поели в кафе. Часов до десяти мы тусовались в торговом центре, а потом я уговорила её маму, чтобы разрешила ей переночевать у меня. Не знаю, то ли от благодарности, то ли от лени она дала добро. Тогда мы проговорили всю ночь, успевая ещё несколько раз сбежать из дома погулять.

Теперь, когда Рина снова впадает в апатию, я даю ей громкую несильную затрещину. Она – самый важный для меня человек в мире, и если она пролежит всю жизнь дома, я себе этого не прощу. Я ей принесла огромную стопку книг по психологии и мотивации. И я рада сказать, что следов того жуткого времени, выпавшего из её жизни, почти не осталось. Лишь изредка, когда мы упоминаем о чём-то, что она пропустила во время своей «паузы» – как мы прозвали период её депрессии, – она просит нас объяснить, о чём мы. Конечно, никто, кроме меня, Маши и Дины – ещё одной близкой Катриной подруги, которая только недавно переехала во Францию, из-за чего Катрина чуть снова не запаузулась, – о том, что происходило, пока нашей подруги не было, не знает.

Новый ослепительно-яркий и насыщенный год начался с таких прекрасных событий. Новый год мы праздновали все вместе: я, Маша, Катрина, Валя и Дина со всеми семьями – и повеселились на славу. Столько мы не смеялись, наверное, никогда. А потом, часов в пять утра, мы все поехали в Валин пустой дом и пили на кухне чаёк, встречая рассвет. Столько тайн было рассказано, о которых нам страшно даже вспоминать, но так легко стало на душе после этих разговоров! А ещё на следующее утро мы испекли торт и сделали смузи, вроде бы ничего особенного, но столько мелочей запомнилось мне с тех трёх дней, пока мы жили одни на Валиной даче до приезда её родителей. Это был самый идеальный праздник в моей жизни.

Я поймала себя на том, что снова не вижу и не понимаю, где я. Пора бы избавляться от привычки так далеко уходить в свои мысли, что потом с трудом возвращаться к реальности. Пытаясь выбраться из цепких лап воспоминаний, я не увидела веточку, лежащую на дороге, и споткнулась об неё. Поскольку лет семь я занималась фигурным катанием, я бы могла выйти сухой из воды, но вдруг моя собака, Деля, резко пронеслась мимо меня, и я всё-таки шлёпнулась в сугроб. Я была готова услышать смех своей лучшей подруги, но его поддержали ещё несколько голосов.

– Ловкость на высшем уровне у тебя, Салли, – послышался насмешливый, но добрый голос Яны. Даниэлла лишь тихо хихикала в сторонке. Она всегда закрывает лицо рукой и отворачивается, при этом её смех беззвучен и не понятно, смеётся ли она вообще. Вот мы всегда и говорим, что она хихикает в сторонке.

– Ага, я смотрю, дуракам не всегда везёт, – отозвался Петя, как раз футболист. Его сероголубого цвета глаза лучились радостью победы. Он был без шапки, поэтому на его блондинистые волосы садились всё падающие с неба снежинки. Обычно презрительно поджатые губы растянулись в весёлой улыбке, которая всегда удивляла меня своей искренностью. Петя улыбается редко, но если и улыбается, то от всего сердца. Честно говоря, я немного схитрила, назвав его своим другом. Наши отношения состояли из язвительных комментариев, презрения, насмешек и редких минут полного взаимопонимания, когда нам достаточно посмотреть друг другу в глаза – и мы уже понимаем, что надо делать.

– Не согласна, тебе же везёт всегда, – весело бросила я, всё так же валяясь в холодном и мокром, но таком уютном, что из него совершенно не хотелось выходить, сугробе. Петин друг Марк так заржал, что все остальные повалились от смеха просто потому, что он очень заразительно заливается.

Трясаясь от смеха, ко мне подошёл Том и протянул руку:

– Вставай, простудишься, – засмеялся он. Я взялась за его руку, но вместо того, чтобы подняться, резко дернула его на себя и откатилась в сторону.

– Извиняюсь, а Вы не обнаглели, женщина? – поинтересовался мой друг под громкие аплодисменты умирающих от смеха ребят, когда я, отряхнувшись, встала.

– Не думаю, месье, – засмеялась я и нагло заглянула в огромные ярко-синие глаза друга. Все его чёрные ресницы и волосы были в снегу, что делало его будто бы седым. – Дедушка Мороз, принеси мне, пожалуйста, ловкость.

– Сама ты Дедушка Мороз, – надул свои впалые щёки Том.

– Ага, а ты тогда Снегурочка, – встрял Марк и заулыбался своей белоснежной улыбкой, из-за чего у него на щеках заплясали ямочки. Я обожаю, когда у людей блестят глаза, а Марк – именно тот человек, серые глаза которого излучают радостный свет. Сегодня его длинные русые волосы были заплетены в тугий хвостик. От одной его улыбки хотелось смеяться, хотя его шутка вроде как не особо удалась, никому вокруг не было разницы. Как же я его обожаю!

– Чёрт, а можно я буду тогда обдолбанным снеговиком? – приехала по льду прямо на нас с Риной непонятно откуда взявшаяся бешено смеявшаяся Маша, чуть опять не уронив меня в сугроб. Метрах в ста от нас скучно плелась Валя, лучшая подруга новоприбывшей.

Машины густые длинные волосы были везде, но, что удобно, её натуральный цвет переливался от практически белого до русого, и никто никогда не мог понять, чьи волосы у них на одежде. А ещё я обожаю её салатового цвета глаза. Её лучшая подруга – почти полная её противоположность. У неё короткие чёрные волосы и карие глаза, она скучная и хмурая. Она то как раз мне не очень нравится, но вот Маша её обожает. Что ж, я не против.

– Маша! Салли! Рина! Данни! Яна! Марк! Петя! То-о-омми! – послышался издали знакомый и любимый сладенький голосок Билатриссы. Её собака уже давно бегала за моей.

– Бити! – приветливо отозвалась я и побежала навстречу хрупкой блондинке с огромными тёмно-зелёного цвета глазами, чтобы обнять. Маша так смешно снова прикатила к нам по льду, что заразила Бити всеобщим весельем ещё быстрее, чем можно было предполагать. Я побежала обратно, а девочки остались позади, долго обнимаясь.

– Да пошли! – не выдержав, крикнул Петя, когда мы всей компанией стали продвигаться по парку. Бити с Машей только начали нас догонять.

– Ну что, какие планы на сегодня, Мисс-Организатор-Всего-На-Свете-И-Сама-Ловкость Салли? – бросил Петя, пытаясь освободиться от медвежьей хватки Маши, которая запрыгнула на него, обнимая.

– Сейчас ещё немного погуляем и пойдём в кафе, – ответила я, улыбаясь.

– Что за кафе? – спросил Петя, наконец скинув с себя подругу.

– Просто кафе, – я пожалала плечами.

– Ну, у него есть название? – немного помедлив, снова подал голос друг. Я закатила глаза.

– Я не помню.

– Тут миллион кафе вокруг, – заметил Петя.

– Ну, значит, в одно из них и пойдём! – Всегда ненавидела слишком чёткие планы и всегда по этому поводу ругалась с Петей.

– И ты уверена, что там будет нормально? – вполне логично поинтересовался мой друг.

– Будет ненормально – уйдём, – я закатила глаза. Мой друг заметил такое пренебрежение и начал закипать:

– У тебя всё так просто, удивительно!

– Это у тебя всё слишком сложно, – это прозвучало грубее, чем я рассчитывала.

– Ты плохо строишь планы.

– Ты только что сказал, что я организатор всего!

– Я пошутил.

– Сам себе противоречишь.

– Какое кафе?

– Да какая разница?!

– Ну, может, я там был и мне не понравилось, чтобы нам не пришлось ходить долго.

– Ты там не был.

– Откуда ты знаешь?

– Отстань!

– Что ты орёшь на меня?!

– Потому что ты бесишь!

– Ты даже название кафе не знаешь!

– Я не должна его знать!

– ТЫ ОРГАНИЗАТОР!

– И ЧТО?

– БУДЬ ОТВЕТСТВЕННОЙ!

– ЧТО ТЫ ПРИКОПАЛСЯ КО МНЕ?!

– Я могу сам найти кафе, если ты орать перестанешь.

– Я НЕ ОРУ.

– ЗАТКНИСЬ!

– НЕ ЗАТЫКАЙ МЕНЯ!

– НЕ ОРИ ТОГДА!

– Хочу и ору! Если ты, блин, не отличаешься интеллектом от дерева! – громко и вроде раздражённо, но вроде и в шутку сказала я. Всем было смешно от такой ссоры, но я не хотела ломать персонажа, сдерживая улыбку.

– Ну знаешь, я хотя бы живое существо. Тебя же можно сравнить разве что с вон той скамейкой! – Петя указал на предмет рядом с нами. Я уже приготовила достаточно смешной ответ, но, к счастью, сказать мне его так и не дали.

– ВСЁ!!! ЗАТКНУЛИ СВОИ РТЫ И УСПОКОИЛИСЬ! – заорала Маша, которую всегда бесили наши стычки. Наши **постоянные** стычки. Я даже не заметила, как с нормального ответа я перешла на крик, это просто очень естественно для нас уже. Мы постоянно орём друг на друга, что-то вроде привычки.

– Вот-вот. Мы, между прочим, пришли веселиться, а не отношения выяснять, – вставила Данни. Марк дико посмотрел на неё, умирая от смеха.

Мы с Петей, не отводя яростных взглядов друг от друга, простояли на снегу ещё где-то десять секунд, пока моя шея не затекла из-за высокого роста друга, а уголки губ предательски не поползли вверх, так что я резко отвернулась, ударив по сопернику хвостиком. Он, в свою очередь, взял целую руку снега и запихнул мне за шиворот. Так началось второе Великое Снежное Побоище. Все разделились на две команды, ну, естественно, кроме Вали, куда такой боги-непросто-умнице-красавице с детишками играть: Бити, Маша, Рина и я против Тома, Пети, Марка, Данни и Яны.

Хочу заметить, что вторая команда играла очень грязно. Несколько раз Петя сбивал меня в сугроб и крыл с ног до головы снегом. Данни залезла на дерево и скатала там огромный снежный шар, а потом скинула его на голову Бити. Снег был мягким, так что он просто рассыпался, только вот рассыпался он в глаза, уши, рот, нос, за шиворот и в ботинки. Бити не менее получаса прыгала, пытаясь освободиться от легального белого порошка. Риной решил заняться Марк. Его фантазия ограничилась простым закидыванием её снежками, но, чёрт возьми, его меткость, подкреплённая его силой, делала своё дело. К тому же неуклюжая девушка всё время падала и поскальзывалась, ругаясь на всё на свете. А вот Том пошёл немного по другому пути. Он незаметно ставил ловушки и делал засады. Он всегда отличался стратегическим складом ума. Яна же просто вертелась рядом с Петей, строя ему глазки, хоть тому и не было до неё никакого дела. Ещё бы! Я ведь посмела задеть его чувство гордости, мне надо было отомстить. Мальчики тоже не остались безнаказанными. Я столько раз попала Пете в лицо, что его брови покрылись корочкой льда. Немало досталось и Тому. Мы так закидали его снежками, что его одежда выглядела, будто он купался в ней в проруби. Маша с Риной ополчились на Марка и порядком его потрепали. А вот Бити пришлось сражаться одновременно с Яной и Данни, но, учитывая её характер, это точно не доставляло ей трудностей.

Мы вообще познакомились с Бити только благодаря такому характеру. Это было чуть меньше года назад. Я вышла днём погулять с собакой и ушла за забор моего дома, что строжайше мне запрещалось. Недалеко был парк, и я решила, что ничего не случится, если я немного там погуляю, потому что моя небольшая огороженная площадка невероятно надоела мне за те три года, что я там гуляла каждый день. К тому же я поругалась с родителями, что в мои двенадцать лет происходило каждый день, и хотела максимально им насолить, но остаться безнаказанной. Ведь сбежать – самый лучший способ! Так считала я, и мне до сих пор стыдно. Так вот, в парке я снова приняла гениальное решение – отпустить собаку с поводка. Естественно, Дуся побежала за первой встречной кошкой. В попытках догнать её я оказалась в совершенно пустой и незнакомой части парка, не понимая, что делать. Недалеко я заметила двух парней лет двадцати и решила подойти спросить. Ещё одно гениальное реше-

ние! Но когда я обратилась к ним, мне показалось, что они взглянули на меня так, будто ждали весь день. Мне брызнули чем-то в лицо, а когда я отступила, повалили на землю и облили чем-то. Мои глаза не открывались после жидкости, которая в них попала, но я точно услышала, как щёлкнула крышка зажигалки. И когда я вся сжалась от страха и злости, готовая к чему угодно, ничего не случилось. Я услышала звуки, похожие на крики-стоны людей, которым, видимо, было очень больно. Найдя в кармане салфетки, я всё-таки смогла протереть глаза и вроде даже начала видеть. Тогда я увидела, как небольшая блондинка просто превосходно дерётся с двумя громилами, и я была слишком восхищена, чтобы двигаться. Но скоро Бити начала откровенно сдавать, тогда и пригодились мы с собакой. Я, зная пару приёмов, смогла одного неплохо приложить, а со вторым прекрасно справились уставшая Бити и моя собака. Как только противники дали слабину, мы убежали со всех ног. Бити тогда помогла мне высушить одежду, и заодно мы с ней разговорились и нашли очень много общих интересов, взглядов и даже привычек. А буквально через месяц она перешла в мой класс, что стало огромной неожиданностью для нас обеих. Она, кстати, ни разу так и не сказала мне, почему тогда помогла.

Наконец-то, со слов Вали, вдоволь наигравшись, мы отправились в кафе. Мы не могли перестать смеяться, и, казалось, город смеялся вместе с нами. Солнце слепило глаза, отражаясь от кристально чистого снега, а дорога была на удивление тихой и пустой. Я была такой счастливой в тот момент.

Мы зашли в моё любимое кафе и заказали тортики. На середине своего меня посетила гениальнейшая идея.

– Ребята, мои родители с братом же уехали проверять здоровье в Австрию. А старший где-то гуляет, так что дом полностью в моём распоряжении. Предлагаю продолжить тусовку у меня.

На секунду повисла пауза. Все обдумывали моё предложение... ну, или дожёвывали.

– Я за, – сказала Бити, подавившись своим куском.

– Я тоже, – мигом отозвалась Маша.

– Хорошая идея, – добавила Катрина. У неё всегда была очень смешная фишка: каждый раз, когда ей чрезвычайно нравилось что-то, она легонечко, незаметно похлопывала себя по щеке. И это правда так смешно. Я перевела взгляд на Тома. Он улыбался, тоже, видимо, заметив тот мимолётный жест Катрины. И, увидев мой взгляд, махнул головой на неё, подтверждая мою догадку. Мы тихо усмехнулись. Потом, будто опомнившись, Том кивнул мне, и я засмеялась в голос. Этот жест был такой рандомный, абсолютно в никуда. Как иногда, переписываясь с человеком, ты что-то долго излагаешь, отправляя много сообщений на одну тему и почти не читая ответов, а потом пролистываешь и просматриваешь всё то, что написал человек, и начинаешь отвечать на его вопросы, что выглядит как просто неуместные фразы, которые непонятно откуда взялись. Том нахмурился и наигранно обиженно отвернулся. Он идёт.

– Мы с Петей тоже за, – добавил Марк. Петя округлил глаза, но не стал ничего говорить, что всех очень удивило. И обрадовало.

– Прикольнo, мы тоже пойдём, – заключила Данни за себя и Яну.

– А у меня свидание, так что извините, детки, я не смогу, – пафосно сказала Валя и надула губы утёнком. Хорошо, она такого не говорила и в принципе ничего не сделала, бросив достаточно невинную оправдательную фразу по типу «родители ждут дома на ужин», но для меня всё выглядело так. Меня затрясло от её образа, который я давно сама себе прописала в голове. Она не была худшим человеком, бывала очень весёлой и иногда умела правда хорошо шутить, но я не могла это признать. Она мне не нравилась, и я не собиралась давать ей никакого шанса. Даже если большинство факторов моей к ней ненависти был выдуманы мною же.

– Тогда решено, все идём, – заулыбалась я, отводя взгляд от Машиной лучшей подруги.

Вскоре мы толпой ввалились в метро, надеясь быстро доехать до моего дома, но не успели проехать и пару станций, как по радио – или как эта громкая штука в подземке называется, я

нечасто ездю – объявили, что дальше ремонт, и выгнали нас из вагонов. Чтобы не потеряться в этой огромной толпе, нам даже пришлось взять друг друга за руки. Наверное, весело мы выглядели со стороны: группа растянувшихся в огромную цепочку подростков, державшихся за руки и почему-то безудержно смеявшихся. Но вообще нам не особо помешала эта незапланированная высадка, потому что до дома мы добрались даже веселее, чем если бы продолжили ехать.

Я провела друзей по лабиринтам своего дома, где, чтобы куда-то пройти, надо постоянно прикладывать магнитную карточку. Иногда Яна, которая так же, как и я, увлекается мифологией Древнего Рима и Греции, говорила, что наш дом спроектировал Дедал: «Ты заходишь в одну дверь, а выйти можешь из пятнадцати других, если не заблудишься и не погибнешь в череде подземных туннелей и лифтов». Обычно после этих слов люди представляют себе какой-то жуткий дом, где на каждом шагу валяются скелеты и где ходишь по тёмным сырým с армадами крыс коридорам с факелом в руках, а лифты являют собой скрипучую платформу, подвешенную на цепях, которую поднимают вечно трудящиеся заблудившиеся путники, найденные и обращённые в рабство. Каждая квартира там – это пристанище мафии и уголовников, а лестничные площадки оборудованы жильцами под комнаты пыток. Но, удивительно, это не так. В моём доме много света и чистоты, а поскольку это дорогой комплекс с масштабной охранной системой, люди здесь живут приличные. Из-за охранной системы почти к каждой двери и надо прикладывать специальную магнитную карточку, чтобы пройти. В комплексе пять домов, поэтому здесь много всяких проходов, коридоров, подземных парковок и лифтов, но, когда ко всему привыкаешь, уже легко ориентируешься.

В принципе, мои друзья тоже уже неплохо освоили знакомые мне всю жизнь коридоры. Дошли мы до двери в мою квартиру быстро и без сложностей, но, чем ближе мы к ней приближались, тем почему-то тревожнее мне становилось. Я будто бы слышала биение чьего-то сердца внутри пустой квартиры. Бит то учащался, то становился медленнее. От этого звука тряслись колени, болела голова и бегали мурашки. Я осторожно начала открывать дверь, моя собака заскулила, а мне с каждым поворотом ключа становилось всё страшнее. Посмотрев на своих друзей, я поняла, что подобное чувствую не только я. Петя, Рина, Том, Бити и Марк тоже немного паниковали, что отражалось в их глазах. Маша вообще прислонилась к стене, чтобы не упасть. Звук стоял в ушах, врезаясь в память. Этот звук пугал меня, моё подсознание просто орало мне убираться оттуда. Чисто интуитивно мне хотело бежать прочь от своего же дома. Последний поворот ключа – и, собрав свою волю в кулак, не подавая вида, я нажала на ручку. Однако, толкнув дверь, я ничего внутри не увидела. Хотя почему-то создавалось ощущение, что, как только дверь открылась, причина моей тревоги моментально исчезла. Будто и не было этого Чего-то.

– Что это было? – тяжело дыша, спросила Маша.

Данни нахмурилась.

– Ты о чём?

– Салли? Катрина? Бити? Вам тоже показалось...

– Так, всем мыть руки, – резко перевела тему я и указала на ванную. Когда все пошли в ту сторону, я придержала Машу за локоть. – Поговорим в более узком кругу, – шепнула я ей на ухо. Она лишь кивнула.

Я включила музыку на полную и резко завлекла всех в танец. Мы смеялись и веселились, дрались подушками, пили чай и делали всё, что нам приходило в голову. И всё же время от времени в воздухе виснул вопрос: «Что же это было?» И я не была уверена, что мы найдём на него ответ.

Было уже девять часов вечера. Я даже не заметила. Обожаю этих ребят. К сожалению, а по правде говоря, к счастью, потому что мы никак не могли поговорить при них, Яне с Данни пора было домой. Катрина с Машей пошли их провожать, потому что из моего дома просто так

уж точно не выйти, а они прекрасно знают дорогу. Мы с Бити остались следить за мальчиками, вдруг они что-нибудь разрушат.

– Все же это почувствовали? – уточнил Том.

Я улыбнулась и немного толкнула его кулаком в плечо. Честно говоря, я вообще не знала, как себя вести. Это чувство пробрало меня до самых костей, и я не понимала, как убедить себя в том, что у меня просто разыгралось воображение. Но мы все почувствовали одно и то же. В этот раз я не смогу отмазаться своим богатым воображением. За это чувство придётся отвечать.

– Эй, ты же не собираешься сейчас убедить нас в том, что нам показалось, а потом пытаться разобраться со всем самостоятельно?! – вдруг наигранно нахмурилась Бити, пытаюсь меня по-доброму задеть. – А то ты любишь так делать, – на этих её словах Петя немного ухмыльнулся.

Я лишь закатила глаза. Однажды мы с Бити и Петей нашли за школой побитого мальчугана. Тогда учительница поставила нас делать вместе проект. Зная, какие у нас с Петей «тёплые» отношения, учителя очень любят всё время ставить нас в пару. Буквально на перемене перед уроком, на котором нам, собственно, и дали этот проект, мы сильно пособачились, что бывает не так часто. Обычно мы не выносим ссору за пределы ссоры, но в этот раз мы прожигали друг друга взглядами весь урок, поэтому Бити вызвалась нам помочь. Проект мы делали у неё почти в полной тишине, так что вскоре он был готов. Бити решила проводить нас домой, а если быть точнее, мы хотели зайти к Катрине и Маше, которые живут в одном доме, поведаться, всё равно пятница. А нам с Петей по пути, о чём я тогда очень жалела. По дороге мы как раз и нашли мальчика. Мы его отвели к школьному врачу и пошли дальше. Вот только на стене, возле которой лежала жертва, мы увидели очень глубокую и узкую вмятину, которая остаётся от ножа. Обычный нож бетон не пробьёт, если только его с огромной силой и скоростью не метнуть в него, Бити сразу так сказала. Но мы вроде замяли, решили, что дело не наше, и пошли дальше. На следующее же утро я под предлогом прогулки с собакой пришла к тому месту с намерением осмотреть его. Самое интересное, что там за этим же занятием я обнаружила Петю. А поскольку ни мне, ни ему не удалось бы выкрутиться из ситуации, мы стали расследовать дело вместе. Заодно и помирились. Мы сразу решили никому не рассказывать, а то «о боже мой, вы что, можете по собственному желанию работать в паре? Просто мир перевернулся!» В итоге Бити как-то узнала, что я всё выяснила: тут тренируются ребята из нашей школы в метании ножей, а след был свежий, потому что где-то за полтора часа до того, как мы нашли мальчика, они закончили тренировку и пошли по домам. К счастью, она не прознала, что мне помогал Петя.

– Это было давно и один раз, найди предьяву поновее, – ответила я, закатывая глаза.

– Ага, давно. Месяц назад, – Бити усмехнулась, смотря на то как я потупила глаза в пол.

– Отстань, – мой наигранно обиженный тон как-то очень рассмешил Марка, который начал заливаться.

– Что ты с ней ругаешься, это моя прерогатива! – вступился Петя, и Марк начал смеяться ещё сильнее.

– Вот именно, предьявите, пожалуйста, лицензию на наезд, – я подняла брови в ожидании.

Первым отреагировал Петя, закатив рукав. Возле локтя у него была небольшая царапинка.

– Ну я же случайно! – тут же воскликнула я, поднимая руки.

– Она всё ещё болит, – Петя еле сдерживал улыбку, пока пытался настроиться на злобный взгляд.

– Ну я же извинилась! – я повторила свой тон и опять уставилась в пол.

– Может шрам остаться, – он сказал невзначай, не отводя взгляд.

– Что за бред, она почти затянулась уже, – вмешалась Бити, нахмурившись. Она намного лучше нас всех умела сдерживать смех. Особенно лучше Марка, который уже пару минут катался по полу, задыхаясь.

– Ей потребовалась неделя, – Петя окинул меня осуждающим взглядом.

– Неделя – это не много для царапины, – быстро сказал Том, усмехаясь.

– Не согласен, – возмутился Петя, продолжая спектакль.

– А я согласна. И вообще, ты сам у меня телефон забрал, – резко оживилась я.

– Я хотел посмотреть, кто там такой смешной с тобой переписывается, что ты всю перемену сидела, тупо улыбаясь и не отводя взгляд от экрана, – тоном, словно он объяснял что-то очевидное ребёнку, ответил мой друг.

– Вообще не особо твоё дело было, – начал Том, но никто его уже не слушал.

– Ого, а кто это был? – быстро включился Марк, закончив смеяться. Где это видано, чтобы он хоть одну сплетню пропустил?

– Никто... – хотела ответить я, но мне не дали закончить.

– Да парень какой-то, – подделав осуждающий тон, провозгласил Петя и обменялся с другом многозначительными взглядами.

– Не какой-то, – я попыталась встрять, пока мальчики друг другу кивали и краснели от сдерживаемого смеха.

– Что за парень? – более серьёзно спросила Бити, смотря на меня.

– Друг моего старшего брата рассказывал, как мой брат облажался на вечеринке в ту ночь, – я даже не была уверена, звучал ли мой голос оправдательно или возмущённо.

– Серьёзно? Неделю назад которая? – тут же включился Том, уже начиная смеяться. Я лишь кивнула, вспоминая историю, как мой брат, напившись с друзьями, бегал по улице в трусах и с кастрюлей борща, которую нашёл в холодильнике чьего-то дома, и предлагал всем его попробовать, а когда люди отказывались, начинал плакать и говорить, что никому не нужен его борщ. В конце, поскользнувшись, он вылил его себе на голову и потом ещё час оплакивал потерю, пока его тащили домой и пытались отогреть. Бегать по Москве под Новый год в трусах была очень плохая идея.

– Да! – я засмеялась.

– А я вот тебе не верю, – Марк сощурил глаза.

– Да правда! – вскрикнула я, вскочив. Осознав всю нелепость ситуации, я села обратно под дружное краснение лиц друзей. Марк сломался первым и повалился на пол, снова умирая от смеха.

– И ты улыбалась поэтому? – Бити подняла брови, явно мне не веря.

– Не, история правда очень смешная, мне сестра рассказывала, – Том вступился, а я начала кивать.

– Я пыталась в голос не засмеяться на уроке, – мой голос перешёл в очень смешной писк. Тут сломались уже Том с Петей, разразившись общим смехом.

– Врёт? – Бити перевела взгляд на Петю. Тот взял очень долгую паузу, смотря прямо мне в глаза. Он ответил, только когда я стукнула его по плечу.

– Нет.

– Ой, скучная ты, Салли, – Марк закатил глаза.

– В общем, ты получил боевую травму просто из-за своей любознательности, умник? – засмеялась Бити, снова обращаясь к Пете.

– Ну, мне было интересно! – в этот раз начал защищаться он.

– Ну так ты и получил за интерес. Знаешь, любопытной Варваре на базаре нос оторвали, – я очень долго смотрела ему в глаза, сделав лицо, будто сказала просто самую умную вещь.

– Ой-ой-ой, можно подумать, ты такая святая, – Петя снова перешёл в атаку.

– Я крада у тебя телефон когда-нибудь? – возмутилась я, а потом, вспомнив как минимум десять случаев, неловко засмеялась от собственной глупости.

– Серьёзно? – Петя засмеялся со мной.

– Это не считается! – я попыталась выйти и положения, чем только вызвала всеобщий смех. Как же хорошо, что у меня есть такие друзья и я могу настолько несерьёзно с ними себя вести.

– Что не считается? – наконец Маша и Рина вернулись. Бити задумчиво закусила губу, и веселье сразу улетучилось. Девочки подсели к нам на ковёр, напряжённо всех осматривая. Никто из нас даже не знал, с чего можно было бы начать этот разговор.

– Что это было? – наконец нарушила затянувшееся молчание Маша.

– Сверхъестественные силы, – прошептал Том, осматривая всех по очереди. Я, тихо засмеявшись, уткнулась ему в плечо, но остальные не особо оценили его юмор.

– Ага, инопланетяне прилетели, чтобы нас напугать, правда? Поменьше ужастиков смотреть надо, а то помешался немного, – насмешливо бросила Бити. Она, видимо, не поняла, что наш друг просто пытался разрядить атмосферу. Все насупились ещё сильнее, агрессией такой ситуации точно не помочь.

– Ок, звучит однозначно глупо, но вот, если честно, я даже не совсем шутил. Ну вот ты думаешь, это было что-то земное? Это чувство? Мы же все знаем, что кто-то или что-то было за этой дверью. И мы все почувствовали, что Это исчезло... как раз в тот момент, когда мы распахнули дверь, – Том будто вышел из фильма ужасов с такой речью, но, хотя я очень не хотела это признавать, определённое зерно логики там было. – Обычное дело – исчезнуть за мгновение, правда?!

– Это был человек, – прервал тираду Тома Петя, и его голос прозвучал так, будто он знает больше, чем мы. Они оба опустили глаза, но Том из-за смущения, а Петя из-за замешательства.

– Почему ты так уверен? – поинтересовалась Катрина, пока державшаяся нейтрально, словно не решила, кому верить.

– Потому что у этого человека есть сердце, – тихо сказал он, нахмурившись.

– Я тоже это слышала, – я быстро кивнула.

Все уставились на меня, когда Петя облегченно вздохнул. В воздухе повис немой вопрос: «Что ты слышала?», но никто не решался произнести его вслух, поэтому Петя решил не ждать.

– Оно билось. Я и, видимо, Салли слышали его.

Я кивнула. Но не могло всё быть так однозначно. Вообще могло, конечно, но если уже нырять в бред, то надо это делать с головой. Мне почему-то показалось, что это было послание. Я вот даже не хотела пробовать объяснить себе, почему, мне так показалось и точка, глупая я. Жаль, что я азбуку Морзе не знала, было бы здорово понять шифровку. Надо было бы её выучить. Может, меня Марк смог бы научить, у него сестра глухая, он знает азбуку. Марк знает. Конечно, знает!

– Марк! – вдруг вскрикнула я, но, когда все удивлённо на меня посмотрели, постаралась умерить свой пыл. – Ты ведь знаешь азбуку Морзе?

– Ну да, а что?

– Переведи, – еле дождавшись, пока он договорит, воскликнула я и начала воспроизводить, что слышала ранее, отстукивая ритм по полу. Меня тотчас же подхватил Петя, некоторые кусочки у нас расходились, мы спорили, но в основном всё делали синхронно. Марк попросил повторить пару раз и дать ему бумажку. Вскоре на ней нарисовался шифр.

«Вас нашли». Прочитав эти слова, мы все переглянулись.

– Звучит не очень, – Маша тяжело дышала, стараясь сдержать панику всеми доступными ей способами.

– Ой, да всё понятно, это просто наша историчка следит, чтобы мы читали те шесть книг по Столетней войне Англии с Францией, КОТОРЫЕ ОНА ЗАДАЛА НАМ НА КАНИКУЛЫ, –

быстро протараторил Марк, заставляя всех засмеяться. Домашняя работа приносила такую адскую боль, что я даже забыла, что мы обсуждали пару секунд до этого. Кто бы нас ни нашёл, школа убьёт нас быстрее, чем оно.

– Да что ты постоянно портишь все моменты? – возмутилась Рина, ещё не прекратив смеяться, – Такая драма была, а ты со своими шутками.

– Не, вообще шутки шутками, но это очень жуткая штука, – заметил Петя.

– После того как мне напомнили про домашку по истории, я готова умереть хоть завтра, – встряла Бити, а нам осталось только молча кивать, соглашаясь.

Глава 2

За окном только-только заалела заря, комната, погружённая во мрак, осветилась первыми лучами солнца. Мир вокруг меня спал, и лишь мои глаза были открыты в это утро. Я проснулась только что, но мне казалось, что я не засыпала сегодня. Не помню ни одного раза, чтобы я просыпалась после нескольких часов сна. Не помню ни одного раза, чтобы зимой солнце всходило так рано. Видимо, мы вчера засиделись, потому что каждый уснул, не покидая своего места. Я так и сидела, положив голову на плечо Тома, расположившегося рядом, опёршись спиной на кровать. Катрина лежала головой на тетради, так и не выпустив карандаш из руки. Бити свернулась калачиком на кровати, а рядом лежала Маша, почти падая на нас с Томом. Петя и Марк, прижавшись друг к другу, лежали на моём ковре. Немного поумилявшись этой великолепной картиной, я всё же встала. Осторожно пройдя мимо всех, стараясь никого не разбудить, я пошла на кухню.

На столе всё ещё стояли чашки с холодным недопитым чаем. Делая медленные глотки, я погрузилась в свои мысли. Сколько всего свалилось на нас за последнее время! Я не говорю лишь о послании. За последний месяц произошло столько терактов и несчастных случаев в мире, сколько не происходило никогда. А ведь скоро Новый год – самый семейный и светлый праздник в году. То по людям стреляют в детском парке, то выкручивают шурупы из американских горок, то наводнение смывает почти всё население целых архипелагов. А недавно был самый большой зарегистрированный пожар, который уничтожил половину Нью-Йорка. И хотя я нахожусь на другом материке, мне кажется, будто это я прилетела туда и подожгла город. Или когда нас сегодня ссадили с метро, то, конечно, сказали, что там ремонт, но люди были и правда напуганы. И всё-таки мне кажется, это связано с тем, что мы с Петей услышали на входе в мою квартиру. Мы обсудили множество вариантов расшифровки этой фразы, тем не менее не нашлось ни одной более или менее правдоподобной теории. Я даже готова была отбросить всю реалистичность и поверить в то, что это был инопланетянин, но даже так у нас не получилось ни одной адекватной теории. Я ненавижу не понимать чего-то, чувствовать себя настолько беспомощной.

Я отчаянно закрыла лицо руками за несколько секунд до того, как на моё плечо легла чья-то рука.

– Я тоже ненавижу это чувство, – горько усмехнулся Петя, садясь рядом со мной.

– Чего ты проснулся? – спросила я, стараясь придать голосу бодрость, что было невозможно хотя бы потому, что я проспала меньше четырёх часов.

– Марк как захрапел в ухо, у меня аж косточки затряслись, – рассеянно ответил мне друг, отчего я еле слышно рассмеялась.

– У Марка всё всегда приумножается, – заметила я, всё ещё немного улыбаясь, но Петя вдруг стал серьёзным.

– Я приблизительно об этом и хотел с тобой поговорить, – начал он, заметно волнуясь.

– О проблемах с умножением Марка? Согласна, можно было бы его уже заставить учиться...

– Нет. Я хотел поговорить о... в общем, тут такая штука... мне кажется... иногда случаются... я тут подумал... – я терпеливо ждала, когда мой друг решится, смотря ему в глаза. – Салли, я... я... К чёрту. Я убил человека.

– Что? – мой тон не выражал никакого удивления, скорее звуча так, будто я не расслышала друга. Я до конца надеялась, что мне послышалось.

– Ну, в смысле, не совсем я... То есть совсем не я, но мне кажется, что я. Всё слишком сложно. Я просто не знаю...

– А теперь можно внятно и сначала? – я смотрела на него во все глаза, понимая, что сейчас должна была испугаться, но не испытывала страха или чего-то подобного. Я полностью доверяла другу, и всё, чего мне хотелось, – это помочь.

– Смотри, мы как-то играли с очень сильной командой – «Крылатым Эхом». Тупее названия не придумать, но это не мешало им несколько сезонов подряд становиться чемпионами. Был финал – невероятно важный для нас матч, и мы сначала вроде выигрывали, но потом наши соперники стали очень грязно играть, а судья, по-моему, вообще забыл, что существуют жёлтые и красные карточки. Они сбивали нас подкатами, постоянно фолили, били по ногам. В итоге они одержали победу с отрывом в один мяч. Это было жутко несправедливо, но мы всё обсудили и сошлись на обычном наезде на судью и их тренера после того, как переоденемся. Как только мы зашли в раздевалку, пришли «Эхи» (их все так называют) и начали над нами смеяться. Но этим дебилам не светит хорошо шутить, поэтому весьма быстро роль шутников перешла к нам, и справлялись мы с ней намного лучше. Не знаю, почему они так взбесились, может, раньше им никто отпора не давал, но они набросились на нас всей командой. Мы мигом выперли их из раздевалки, а за такое поведение и за нечестность судьи победу присудили нам. Но в тот день я об этом не знал и был ужасно зол. Так же, как и Марк. Я проклинал их всех вместе с игроками нашей команды.

– А это было не тогда, когда я шла от Рины и ты на меня наорал, что я хожу рядом с твоим домом? Мне потом ещё Марк звонил, всё объяснял, – вспомнила я недавний случай. Петя немного смутился и виновато посмотрел на меня, на что я просто отмахнулась.

– Прости, – он действительно сожалел. Я чуть со стула не упала, увидев его виноватый взгляд. Он никогда так не смотрел на меня. Да вообще ни на кого. Как будто электрический разряд пробежал у меня под кожей от этого взора. Но я постаралась выглядеть максимально спокойно и неувлечённо.

– Да неважно, говори.

– В общем, на следующий день мы узнали, что из-за очень сильного ветра их автобус съехал в кювет. Водитель погиб, почти все остальные серьёзно пострадали. Некоторым пришлось ампутировать ноги или другие части тела, – он замолчал, сложив в замочек свои трясущиеся руки. Повисла тишина. Как бы Петя ни хотел, ему не удалось скрыть мелкую дрожь по всему телу. Я всё ещё не могла поверить, что это тот же парень, с которым мы так часто ругаемся по пустякам.

– Хорошо, а ты тут при чём? – я решила задать самый важный вопрос.

– Я не знаю, мне просто кажется... Знаешь, будто я сам его туда толкнул.

– Петя, я чувствую вину за пожар в Нью-Йорке, хотя нахожусь на другом континенте. Я хочу сказать: это нормально – винить себя в чём-то, к чему не имеешь никакого отношения. Это твоё седьмое чувство, называется «совесть». А она дамочка несправедливая, – я впервые видела Петю таким подавленным, что даже решила его обнять, положив голову ему на плечо. И, честно, мне показалось, что он как-то даже расслабился в моих объятиях, как бы мило это ни звучало. Я не особо помню, сколько я его обнимала, но помню, что, как только отстранилась, стул напротив меня отодвинулся, и на нём оказался Том.

– Здравствуйте, Пётр и Лампочка, – усмехнулся тот. Я заулыбалась ему в ответ.

– Привет, Рыбка, – в тон другу ответила я. – Хотите чаёк?

– Да, – жалобно протянул Том, а Петя так сильно закатил глаза, что смог бы увидеть свой мозг. Я отметила, что только если бы таковой имелся, и улыбнулась своей же шутке. Петя, кстати, так и не ответил.

Я оставила ребят прожигать друг друга убийственными взглядами и пошла делать чай. Природа явно настроилась против людей. Если честно, меня это настораживает намного больше, чем резкое увеличение терактов. Потому что с ними что-то можно сделать, а со стихиями ничего поделать пока нельзя.

Я слишком мала, чтобы двигаться, меня окружает огонь, пугающий меня до смерти. Я кричу, но никто не отзывается. Мне становится слишком страшно, чтобы даже пытаться шевелиться. И хотя мои глаза плотной пеленой застилают слёзы, я вижу, как огонь потихоньку начинает собираться возле меня. Он полностью повторяет каждую мою черту: маленький носик, крошечные ручки, непомерно огромные глаза. Прямо надо мной парит точно такой же младенец, только сотканный из пламени. Его красные глаза смотрят в мои карие.

– Салли! – вскрикивает Том и подскакивает ко мне, отдёргивая мою руку. На ней красуется красное пятно на всю тыльную сторону ладони. – Ты чего творишь?!

По тумбочке вниз бежал кипяток, перелитый мною через край кружки.

– Всё в порядке, немного отвлеклась, – я улыбнулась другу и осторожно забрала у него руку. Не могу сказать, что она сильно болела, просто немного чесалась, всё-таки вода не была очень уж горячей. Обеспечив всех чаем, я снова села к друзьям.

– Скоро Новый год, что делать будете? – умиrotворённо поинтересовалась я. Петя немного подавился чаем и высунул язык, пытаюсь максимально быстро махать на него. От его кружки исходил пар. Мы лишь посмеялись над ним.

– Мучиться, – послышался голос из-за угла. К нам за стол уселась Бити. – Это будет самый жуткий праздник в моей жизни. У мамы запланирован какой-то торжественный приём, и мне придётся напялить платье. Она сказала, что я должна буду весь вечер светски беседовать с этими богатыми свиньями, которые думают, что всё в этом мире они могут получить за определённое количество денег.

– С добрым утром! Вижу, ты не очень-то выспалась, – усмехнулся Петя, за что получил взгляд, предсказывающий его скорую смерть.

– Мама вдруг вспомнила, что у неё есть старшая дочь. Она мне целую речь произнесла: «Пора тебе уже начинать мне помогать, а то шляешься где попало со своими дебилами-друзьями, которые, поверь мне, никогда тебе ничего хорошего не дадут. Лучше найди себе нормальное окружение. У моих партнёров есть дети как раз твоего возраста. Глядишь, ты себе и жениха найдёшь, а то такая красота пропадает. Так что будь добра, не смей никому хамить или кого-то отшивать. Ты будешь на вечере для укрепления моих отношений с партнёрами, а не для их разрушения». Это больше, чем она сказала мне за последние пару лет.

– Я даже боюсь представить, что ты ей ответила, – притворно ужаснулся Том.

– Что на это можно ответить? Я сказала, что если она меня поймает, то выполню её условия. Но сомневаюсь, что она меня вообще сможет найти. Она понятия не имеет, где я обычно нахожусь. Она даже имён ваших не знает, – Бити вправду говорила уверенно и насмешливо.

– Не волнуйся, у меня Новый год тоже обещает быть не самым весёлым. Ко мне брат с Северного полюса прилетает. Он там изучал магнитные скачки. В общем, пытался выяснить, почему Земля «сходит с ума» и рушит всё на своём пути. Так что, наверняка, первая половина вечера будет состоять из жутких соплей и приветствий, а вторая – из его скучных рассказов, – пожаловался Петя. Как меня иногда бесило, так же частенько и забавляло его наигранное нежелание делать что-то. По его глазам я могла понять, как он ждёт этого, как скучает по старшему брату, как хочет услышать его рассказ. Но он не может в этом признаться даже своим друзьям. Хотя на самом деле нет ничего плохого в том, что он бывает счастлив.

– Ничего не знаю, мой Новый год обещает быть просто замечательным. Я еду с папой и Мирой в путешествие на машине. В этот раз решили ехать по самым красивым рекам и озёрам, – весело заявил Том.

– Я тоже, кстати, с семьёй праздную. Они как раз послезавтра приезжают, будем ёлку все вместе наряжать. Они уехали к моему младшему брату делать какую-то важную проверку медицинскую, – поддержала тему я.

– Моему младшему брату, – передразнил меня Том, – будто мы Диму не знаем.

– Дома будете праздновать? – удивилась Бити. Я правда давно не была дома на новогодние каникулы. Обычно мы уезжаем куда-нибудь в тёплые страны. Хотя я не особо люблю жару: мне всё время кажется, что меня жарят на сковороде. Не самое приятное ощущение, могу вам сказать.

– Наконец-то, если честно, – улыбнулась я в чашку.

– Как же я тебя понимаю, – отозвался Петя, и мы засмеялись.

Взглянув в окно, я вдруг поняла, что солнце почти встало и теперь бросает свои яркие лучи прямо мне в глаза.

– Предлагаю будить остальных и идти по магазинам за подарками, – громко заявила я и, переглянувшись со всеми, сорвалась с места. У нас уже давно сложился своеобразный обычай: кто прибегает последним, просто смотрит, как остальные издеваются над друзьями, пытаюсь заставить их встать. В этот раз проиграл, кстати, Петя.

Глава 3

Мы решили прогуляться, потому что после вчерашнего инцидента не горели желанием заходить в метро. До нашего любимого торгового центра, если верить навигатору, идти буквально минут двадцать, а мы, пока со всеми всё обсудили, уже дошли. Мы даже немного расстроились, когда увидели вход в здание, ведь всем хотелось как можно дольше дышать только пришедшим морозным воздухом, который пока не обжигал своим холодом, но уже заметно освежал и пробуждал. Учитывая, что сейчас всего лишь восемь часов утра, нам это точно было нужно.

– Предлагаю разделиться, потому что иначе мы не успеем всё даже за полсотни лет, – подкинула здравую мысль Маша. Мы все неохотно согласились. Я не люблю разделяться, но нас и вправду много.

– Ты идёшь со мной, потому что ты мне нужна, – сразу же заявил Том, опередив меня. Я не знала, что подарить своим братьям, поэтому мне тоже нужна была его помощь.

– Прекрасно, – успела ответить я до того, как мой лучший друг схватил меня за локоть и потащил к лестнице, начав рассказывать про какой-то мистический подарок, который он нашёл своей сестре.

– Ты сойдешь с ума, я тебе обещаю, – возбужденно и весело всё повторял Том. – Я никогда бы не подумал! Это невероятно!

На все его возгласы я успевала только усмехаться и закатывать глаза. А поскольку мои просьбы успокоиться с успехом игнорировались, мне приходилось лишь разглядывать витрины встречных магазинов и просить извинения у прохожих, на которых с разбегу налетал Том. Когда я немного начала задыхаться от его бешеного темпа, он резко остановился перед книжным магазином.

– Вот, – восхищённо заявил он, смотря на стойку с очень красивой книгой сверху и не моргая. У меня перехватило дыхание от такой невероятной красоты. Твёрдая, переливающаяся всеми цветами зелёного, разрисованная изумительными сплетениями растений и соцветий обложка и немного пожелтевшие от времени страницы.

– Помнишь, Мира рассказывала нам всякие сказки? У неё был целый сборник сказок всех народов мира. Она же безумно любит читать. Когда мы путешествовали, то не могли возить с собой много книг, но с нами всегда была очень старая книга, которую когда-то давно выпустили ограниченным изданием, где-то 50 экземпляров. Это была одна из немногих вещей, что достались папе в наследство. Мира прочитала ту книгу раз десять, она знала наизусть каждую сказку, она читала книгу с начала, с конца, просто случайно открывая страницы. Иногда выписывала самые интересные места и рисовала по ним картины. Она сочиняла песни по ним и временами исполняла их под аккомпанемент отца. А недавно Мира узнала, что второй том, который считался утерянным, нашли у одного старика и напечатали полноценный тираж. Но обложку всё равно рисовали вручную. Она так мечтала об этой книге.

– Это... очень круто. Пошли купим, что ты стоишь тут как истукан!

Том засмеялся от моего восклицания.

– Прости, но я вспомнил, как ты рассказывала мне, что думала, что истукан – это официальное название тукана, поэтому про всех интересных и красивых людей говорила, что они истуканы, – всё ещё смеясь, объяснил Том и получил подзатыльник. – Ладно-ладно. Я стою, потому что почти все свои деньги я уже потратил на подарки друзьям. Я не рассчитывал, что книга может стоить всех моих карманных денег.

– Давай тогда скинемся. Я всё равно не знала, что подарить твоей сестре.

Том просиял. Через пару минут мы вышли из магазина с очень красивым пакетом и великолепной книгой в не менее прекрасной подарочной упаковке. Одним подарком меньше.

Поскольку я купила подарки уже всем друзьям, у меня оставалась только моя семья. Но я никак не могла придумать подарки для братьев, да и родителям ничего не нашла.

– Знаешь, Джон часто упоминает, что хочет наконец водить машину, – словно между делом заметил Том. Я нахмурилась.

– И? – я повернулась к другу, а он лишь пожал плечами.

– Ну, ему нравятся машины...

– И что?

– Ну, если ты не знаешь, что ему подарить...

– Том, я не буду дарить ему машину, он не заслужил.

– Так я и не предлагал, где ты на машину деньги возьмёшь?

– Пошли грабить банк?

– Я не против.

– Надо маски найти.

– Я видел магазин на втором этаже.

– Бежим! – сказала я, разворачиваясь. Том усмехнулся, схватив меня за локоть. Я чуть не упала от такого резкого торможения. Что у него за дурацкая привычка хватать меня?!

– Салли, а если серьёзно? Что ты вообще собираешься ему дарить? – Том немного посмеивался, но всё же пытался получить от меня ответ.

– А если серьёзно, то я понятия не имею, что ему дарить.

– Так давай я помогу тебе, может быть?

– Нет.

– Почему?

– Потому что я хочу подарить что-то саркастичное, по поводу его девушек и его тупости. Серьёзно, чувак, он бегал с кастрюлей борща по улице.

– Например?

– Не знаю, пока самым смешным кажутся презервативы, но там будут мои родители и, ну, в общем...

– Это будет самый неловкий Новый год, – Том громко засмеялся, потом резко успокоившись.

– Типа того. Поэтому, я думаю, может, что-то типа матрёшек, но он не поймёт отсылку.

– Какую отсылку?

– Ну, типа, у него было много девушек, и они по значимости каждый раз всё меньше...

– Это настолько не на поверхности, что такое никто не поймёт. И это не смешно, это вообще-то грустно.

– Вот видишь! А что тогда? GoPro? Чтобы все свои idiotские выходки записывал и потом на утро вспоминал?

– Это такая хорошая идея!

– Конечно, хорошая. Но у меня денег даже на грамм этого GoPro не хватит.

– Это правда. Можно попробовать найти какой-нибудь тупой цитатник для бруталов, со всякими idiotскими фразами, – мы оба засмеялись.

– Чёрт, это такая классная идея! Знаешь, что я сделаю? – Том махнул головой, интересуясь. – Короче, я знаю, что это максимально странно, но я иногда записываю тупейшие вещи, которые он говорит. Я просто могу отнести их в этот книжный... Как он называется?

– Понятия не имею...

– Неважно, в тот книжный – и просто напечатать небольшой сборник этих цитат. Это будет так смешно!

– Я теперь хочу их услышать.

Я быстро разблокировала телефон.

– Недавно он сморозил: «Я честно задолбался работать, пойду найду себе богатую старушку и женюсь».

– Он же шутил, наверное!

– Том, он зарегистрировался в Одноклассниках и реально знакомился с женщинами.

– О боже, обожаю Джона, он уморительный.

– Или вот: «Давай ты, пожалуйста, не будешь тусить с моими друзьями, а то я не знаю, кого ревновать». Гениально, я считаю!

– Я с ним так согласен, я тоже ненавижу, когда ты с Мирой тусишь. Я не могу решить, на кого обижаться из-за того, что я не включён в ваше веселье.

– Решено! Ой, погоди, я передумала! – вскрикнула я, стараясь сохранять серьёзное лицо, но окончательно эту попытку разрушил игрушечный магазин впереди. – Я знаю, что подарю Джону, – смеясь, заявила я.

– Класс... Салли, нет! – возмутился Том, когда я побежала к игрушечному магазину. Однако я не особо к нему прислушалась и набрала порядка десяти игрушечных автомобилей. – Да ладно тебе, прекрати, это глупо. Салли, не веди себя как ребёнок... Хватит уже! Салли, прекращай этот цирк, – я могла лишь дико смеяться над его жалкими попытками остановить меня. Напоследок я схватила огромный набор Lego с гонками.

– Да успокойся, зануда! Это Диме, – засмеялась я ещё сильнее. Меня, наверное, больше сместило пристрастие обоих моих братьев к машинам, чем реакция Тома, который всё-таки заставил положить половину машинок обратно на полку, ссылаясь на то, что моему младшему брату столько не нужно. А я ведь расскажу Диме, кто лишил его игрушек.

Из магазина мы вышли в весьма приподнятом настроении. Том потащил меня в магазин кухонной утвари. Его папа любит всех и всё, но его фавориты – путешествия, музыка, дети и готовка. Поэтому, побродив по магазину, Том набрал каких-то формочек, кисточек, волшебных палочек и ведьминых котлов. И всё это время он шутил, что я разбираюсь в готовке хуже, чем попугай их соседей. Я в очередной раз решила, что пора учиться готовить.

Маме я купила красивые наклейки на компьютер и чехол для него. Она так много на нём работает, что, мне кажется, не помешает немного его украсить. Думаю, ей бывает скучно сидеть дома и заниматься нашими семейными делами.

Папе нашла красивейшую чернильницу и перо, чтобы он поставил их в офис. А к ним купила специально состарившуюся бумагу и конверты. Надеюсь, он будет в восторге. Всё-таки папа любит такие интересные вещи.

– У тебя отвратительный вкус на подарки, – сказал Том, когда мы выходили из магазина. Он не разрешил мне купить такой классный блокнотик маме, и мне было грустно. Я кивнула.

– Это так, мистер Фишер, – глядя ему в глаза, я с серьёзным видом подтвердила его слова и сразу же получила слабый толчок в плечо.

– Я предупреждаю тебя, Лампочка! Ещё раз ты назовёшь меня так...

Дальше я не услышала, поскольку остановилась у витрины, не веря своим глазам. Пока, увлечённый своим грандиозным монологом, Том не заметил, что я отстала, у меня не получалось даже дышать. Чтобы вывести меня из транса, моему другу пришлось немного потрясти меня.

На секунду в моей голове вспыхнула алым пламенем картинка. Детский плач и истеричный крик, игрушка перед глазами ребёнка вспыхнула, родители спешат к дочке в ужасе.

Передо мной прямо на полке стояла та самая игрушка. Целая, новая, красивая. Обычный плюшевый волчонок, который заставил меня остановиться.

– Мне кажется, я схожу с ума, – засмеялась я. – Мне показалось, что в детстве у меня была такая игрушка. Ладно, неважно, пошли.

И я первая пошла дальше, стараясь не обращать внимания на немного кружащуюся голову. Мы зашли в магазин косметики, чтобы Том купил что-то Рине, а потом направились на место встречи. Всё время он с плохо скрываемым волнением поглядывал на меня.

– Ты уверена, что в порядке? – всё-таки не удержался от вопроса Том, когда мы сели в кафе.

– Да что могло случиться? – ободряюще улыбнулась я другу.

– Ты чуть не упала, да и выглядела крайне растерянной, – Том пожал плечами, пряча глаза за меню. Том говорит, что у него нет привычек, потому что он ни к чему не привязывается. Это не так. Например, когда ему становится грустно или плохо, он всегда прячет глаза. Я проверила число на телефоне. Как я могла забыть?!

– Сегодня юбилей, – прошептала я, кладя руку на плечо друга. Он поджал губы.

– Как думаешь, она ещё помнит о нас? Она когда-нибудь хоть пыталась найти нас?

Я молчала. Ровно десять лет назад жизнь Тома перевернулась. Ровно десять лет назад его отец узнал, что его ненаглядная любимая жена, с которой у него было двое детей и счастливая семья, крутила серьёзный и долгий роман с его лучшим другом. В общем, их мать устроила огромный скандал, пытаясь выставить мужа виноватым, рыдала, настраивала детей против отца. Тому тогда было всего три. Обычно добрый и податливый, отец Тома, Паша, проявил удивительную для него стойкость и проводил их мать за дверь, хотя та кричала и обещала детям, что заберёт их. В тот же день Паша собрал все необходимые вещи, погрузил в машину и с разрешения детей ночью уехал вместе с ними из Австрии, где Том и Мира родились. Их папа – композитор, поэтому в дороге он всё время писал; репетировал, когда получалось; иногда давал концерты в местных клубах. Он также обучал детей сам. Они путешествовали по всей Европе пять лет, а потом решили приехать в родной город Паши и остались тут, и Том попал в мой класс. Они и сейчас часто путешествуют, но их съёмная квартира всегда остаётся, и они пока не собираются с неё съезжать.

– Рыбка, запомни: её нет в твоей жизни, но теперь в ней есть другие, более любящие тебя люди. Всегда приходится чем-то жертвовать ради счастья. Иначе какое без этого счастье? – всё так же тихо, но уверенно сказала я. Том поднял глаза и улыбнулся. Он всегда старается не оставаться в этот день один, словно боится, что начнёт думать о ней. Но я убеждена, что эта женщина даже не достойна жить в его голове. Она никогда не пыталась с ними связаться, хотя, по секрету мне рассказывал Паша, что он однажды после этого связался со своим бывшим лучшим другом и дал ему свою почту, чтобы если их мать захочет, она могла связаться с детьми. Он знал, что она получила то сообщение. Она написала на тот имейл. Написала, попросив Пашу не говорить детям, что она может с ними связаться, потому что у неё теперь другая семья и она не хочет, чтобы её дети знали о других её детях. Эта женщина не заслуживает даже знать такого прекрасного Тома.

– Придёшь сегодня к нам? – резко сменил тему мой лучший друг. Справился.

– Я не вижу преград. Мои приезжают только завтра днём. Джона тоже быть не должно.

– Погоди, а Джон не уехал?

– Нет.

– А где он был вчера?

– Вроде у Юли. Это, если кто-то на этой планете вдруг ещё не знает, его новая девушка, которую он любит намного больше, чем тупую бывшую.

– Сколько они встречаются? Я о ней пока не слышал.

– С позавчерашнего вечера. Наверняка, опять какая-то поверхностная девушка на неделю. Лучше бы с Мирой начал встречаться.

– Ну уж нет. Не смей даже думать, что они смогут начать встречаться, пока я жив.

– Да ладно тебе, они были бы милой парой. Ты мне ещё скажи, что не заметил, что они друг другу нравятся.

- Зачем тогда он постоянно находит себе всё новых и новых девушек?
- Потому что ты ещё живой. Ему же явно не хочется столкнуться с такой мощью, – я шуточно указала на его небольшие мышцы. – Может, позвоним ему и пригласим потом к вам?
- Без проблем, – я заулыбалась от такой быстрой перемены его отношения к Джону. – И прекрати смеяться, я очень отходчивый.
- Ага, – я быстро набрала номер и вскоре услышала голос брата.
- Да, мелкая!
- Ещё раз назовёшь меня мелкой, я задушу тебя во сне, – моментально взбесилась я.
- Ты вообще не очень вовремя, так что... Это что, Том так дышит тяжело?
- Предположим. И чем ты так занят?
- Ты когда-нибудь отходишь от Тома? Он всё время с тобой тусит?
- Да.
- Я прямо начинаю что-то подозревать, – усмехнулся мой надоедливый брат.
- Не переводи тему! Чем ты так страшно занят, что не можешь уделить минутку своей драгоценной младшей сестрёнке? А вдруг я тут умираю, например, или...
- Не начинай. Сейчас мы вместе с моей новой и самой любимой девушкой Юлей смотрим самый интересный фильм из всех, которые я смотрел...
- Помочь тебе сбежать?
- Возможно...
- Скажи, что я заболела, а сам приходи к Тому и Мире. Мы ждём все у них.
- Заболела? Очень плохо? Ладно, мелкая, сейчас буду... Извини, мне надо идти...
- Мой брат бросил трубку. Том хохотал, даже не думая о приличии. Я тоже еле сдерживалась.
- Вы не представляете, что мы пережили, – услышали мы крик Маши. Она решительно направлялась к нам. – Мы идём, никого не трогаем, и тут какие-то парни говорят нам, что у нас классные фигуры и мы просто обязаны дать им свои номера. А Бити такая: «Ну а вот у вас не особо классные фигуры, так что подкатывайте к кому-то своего ранга», и они такие: «Ого, какая ты грубая!» – и пытались выхватить у Бити сумку, повторяя, что мы должны дать им номера. А потом они схватили Бити за руку, и она разозлилась, и дальше вообще такой сюр! Она остановилась полностью, упёрлась глазами в парня, который её схватил, и все такие тоже остановились. Вообще всё замерло будто. И Бити такая шёпотом: «Слушайте сюда внимательно, вы отходите от нас прямо сейчас и больше не отвлекаете нас своей никчёмностью», и они такие: «Или что?» Ребята, я никогда такого взгляда не видела, даже у Бити. Она повернулась и так грозно, прям очень, сказала: «Здесь нет «или»», это не предложение, это приказ. Пошли вон!» – и долго смотрела на них, не отвечая ни на одно слово, пока они не ушли. Звучит не так круто, конечно, но в жизни это выглядело прямо неотразимо.
- А что мне нужно было им сказать? – тихо запротестовала Бити, и Рина просто её обняла.
- Действительно, как вы это пережили? – засмеялся Том.
- Молчи, мужчина! – прикрикнула Бити, и мы все взорвались смехом, пытаюсь объяснить «мужчине», что это шутка и он может улыбнуться. Но наш друг подарил нам улыбку, только когда мы все попросили у него извинения.
- Да, Том, ты не понимаешь. Бити смогла отшить надоедливых парней, не взывая к авторитету; не говоря, что у неё уже есть парень, не дерясь и даже не обзывая. Это героизм, – я улыбалась, восхищаясь подругой.
- Будто это так сложно, – Том закатил глаза, но быстро окатил их обратно, когда заметил наши красноречивые взгляды. Он сдвинул брови, будто вспоминая что-то.
- Том, вряд ли ты так делал, ты слишком не ущербный для такого поведения, – быстро прочитав друга, среагировала Бити.

– Не пойми неправильно, ты, конечно, ущербный, но не настолько, – добавила я и получила кулаком в плечо. За это я, макнув ложку в свой только что полученный кофе, провела ей по лбу Тома. Мой друг же, в свою очередь, засунул мне свой слюнявый палец в ухо, я завизжала, вскочила и отбежала как можно дальше, выставив руки вперёд. Мои друзья за столом умирали со смеха.

И в самом разгаре веселья пришли Петя и Марк, причём первый явно на взводе.

– Дайте мне кофе, или я пойду убивать! – заявил сходу Петя и получил нетронутый кофе Тома. Я аккуратно села обратно на своё место.

– Над чем смеётесь? – поинтересовался Марк, с тяжёлым вздохом опускаясь на стул.

– Вспоминаем детский сад... – начал Том, но Рина прервала его:

– Тихо, новости.

Мы все стали прислушиваться, кафе погрузилось в гробовую тишину, которую нарушал только громкий и ненавистный нам безразличный голос диктора:

«Вчера ровно в 23:48 пассажирский лайнер Т-12 попал в сильнейшую бурю, пролетая над Атлантическим океаном. Он не смог совершить аварийную посадку и упал. Чёрный ящик нашли сегодня утром. Ни одного выжившего: 118 погибших.

Вчера ровно в 16:39 метро по нескольким городам страны было ненадолго остановлено из-за необъяснимых движений земли. Сейчас лучшие мастера страны спустились под землю, чтобы укрепить сооружения. Вскоре метро возобновит свою работу.

Также недавно в Марокко произошёл несчастный случай, в результате которого погибло более 40 человек. Точное число пока не известно. Экспедиция из молодых людей, прилетевших для изучения странного поведения природы, по невыясненным обстоятельствам погибла в песках пустыни сегодня утром.

Спасибо за внимание».

– Какой это несчастный случай за неделю? – почти шёпотом нарушила молчание Катрина. Она выглядела бледной и уставшей. Как и весь остальной мир.

– Третий, – чуть громче ответила Бити, выводя нас из транс.

– И второй упавший самолёт за месяц, – добавил Марк.

– И приблизительно 1500-й погибший за последние два года, – заметила Маша.

Люди вокруг потихоньку ожили: опять зажужжала кофемашина, послышались пустые разговоры, но меня здесь не было. Я была в том самолёте, где так отчаянно кричали дети и их матери, где пилоты настолько плотно в сосредоточении сжали губы, что те побелели, где кто-то пытался выпрыгнуть из салона, а кто-то – написать завещание. Где незнакомые люди дарили друг другу свои последние объятия и молились о пощаде. В этот момент все люди стали равны. Я понимала, что ничего не исправить, но мне почему-то казалось, что я могла бы попробовать. Боже, если бы я и правда могла... Мне срочно нужно было отвлечься.

– Катрина, тебе срочно нужно поесть, – всё ещё немного отстранённо произнесла я, пытаюсь вернуться в реальность. У неё почти никогда нет аппетита, поэтому она часто забывает поесть. Её мама решила: если она собирается морить себя голодом целыми днями, пусть хотя бы плотно завтракает.

– Спасибо, мама, – моя подруга закатила глаза.

– Не за что. Маша, таблетки.

– Ага, – она полезла в сумку, чтобы найти таблетки от головной боли. Маша не может понять, почему у неё болит голова. Никто, включая её врача, не может понять. Поэтому она принимает самые слабые и общие болеутоляющие, которые не помогают ей ни капельки.

– А тебе надо написать отцу, что ты жив, потому что он частенько в этом сомневается, – напомнила я Тому. Он почти сразу достал телефон и застрочил.

Вроде всё. К нам наконец соизволил подойти официант, и мы сделали заказ. Я немного огляделась: кафе пустое, если не считать одного очень странного мужчину. Я, конечно, не экс-

перт, но мне почему-то показалось, что он следит за нами. И это меня серьёзно напугало. Впервые я была так рада, что мои друзья – странные идиоты, которые придумали различные шифры, чтобы распознавать различные ситуации без угрозы быть раскрытыми. Мы придумали даже на случай, если кого-то похитили, или убивают, или за кем-то следят, хотя мне всегда казалось это бессмысленным. Нам просто частенько бывало скучно. Но вот наше идиотское занятие резко приобрело смысл. Я сняла свою разноцветную фенечку, которую больше года назад подарила мне Катрина (с тех пор это второй раз, когда я с ней расстаюсь), и положила её где-то посередине стола. Ребята немного нахмурились, пытаясь вспомнить, что это значит. Но уже скоро все поняли намёк и были явно растеряны, стараясь не озираться по сторонам. Я вернула браслет и чуть заметно кивнула. Бити быстро сообразила и завела максимально нейтральную беседу о погоде за окном, тем не менее совершенно никак не отзываясь о ней. Мы сразу поняли её тактику: не давать ни шанса что-то узнать о нас, даже самого незначительного и ненужного.

Нам быстро принесли завтрак, и мы так же быстро его съели, стараясь выглядеть расслабленно и заинтересованно. Заплатив, мы похватили свои сумки и «наперегонки» побежали вниз. Просто гениальная актёрская игра, я считаю! Со смехом выбежав на улицу, мы остановились немного поодаль от торгового центра.

– Вот и пришло время прощаться, друзья мои! – со слезами на глазах (и черепом в руке) заявил Марк, и мы разразились новым приступом хохота.

– Уже почти десять часов, сэр! Нет у нас времени на долгие прощания! Вскоре увидимся с вами, мои глубоко верные друзья! А теперь мне пора бежать домой, потому что я уже чувствую, как меня убивают родители. Мама, наверное, выдвинула целую теорию, кто меня похитил и куда увезли, – заметила Маша и стала со всеми прощаться. Есть всегда грань абсурда у любой шутки, которую очень хорошо чувствует Марк, но никогда не видит Маша. Поэтому её шутки всегда «слишком», и поэтому же они редко смешные. Но сегодня все засмеялись, и у меня будто тепло по всему телу разлилось от такого хорошего настроения моей группы.

– О да, у меня мама точно убивается, что не смогла защитить дочь, – добавила Катрина и тоже стала нас обнимать. – Увидимся позже? Позвоните, когда соберётесь куда-нибудь? – и Маша с Риной, которые живут в одном доме, поспешили к себе. Пете с Марком потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что им с ними по пути, и, наспех кинув пару прощаний и взяв с нас обещание позвонить, когда что-нибудь решим, они побежали за девочками.

– Я не была дома три дня. Я скучаю по своей кровати, – заявила Бити и, чересчур официально пожав нам руки, удалилась в сторону метро. Перед тем, как она скрылась из нашего поля зрения, я бросила ещё один взгляд на её потёртый вечный рюкзак, где у неё всегда лежал спальник, мешок, немного денег, чистая одежда и хлеб. Сколько бы мы её ни спрашивали, Бити так и не сказала, где обычно ночует, когда она не у нас и не дома. Мы решили, что у неё есть какой-нибудь скрытый друг, который живёт один и предоставляет ей комнату, когда она ей потребуется. Так просто легче было жить. Не нужно было каждую ночь проводить с открытыми глазами, ожидая звонка от подруги. Бити ненавидит, когда её жалеют. Поэтому я не буду. Я даже завидую ей иногда. Она свободна и не зависима ни от кого. И сколько бы я с ней ни общалась, мне всегда кажется, что я слишком мало знаю об этой таинственной девочке.

– Все свалили, – прокомментировал Том констатирующим голосом. Я лишь усмехнулась.

– Вряд ли надолго.

Глава 4

Я слышу писк, заглушающий звонок в дверь. Именно так меня встречает Мира каждый раз. Даже когда я прихожу по пять раз за день. Она открывает дверь и кидается обнимать меня в то время, как я безудержно смеюсь. Мира спрашивает, не слишком ли меня достал её брат и как он себя ведёт, после чего получает несильный толчок в бок от Тома. И мы все громко смеёмся. После такого тёплого приветствия меня обнимает Паша. Том спрашивает, что поесть, и его отец, который обычно всё ещё обнимает меня, начинает разглагольствовать, какие классные макароны он сварил. В общем, всё как обычно.

Конечно, он сварил не макароны, а сделал какую-то невероятно сложную и вкусную пасту, но это мы предпочитаем оставлять за кадром. Через пару минут после нас прилетает мой помятый братец. После такого же тёплого приёма он тоже садится за стол. Он, как обычно, над всеми подшучивает и получает самую маленькую порцию, которую, конечно, потом увеличивают. Это и называется вторая семья.

Том совершенно не собирается ждать и, только доев, дарит Мире книгу. Немного прыжков, крика и благодарности, щепотка обнимашек и поцелуев и много-много сказок: вот и вся Мира. Она так радовалась, что я подумала: такой искренний человек должен жить вечно и дарить другим людям счастье. Торжественно посадив всех за стол, она притворно сдула с книги пыль и с трепетом открыла. Страницы были даже красивее, чем обложка. Сделаны под старину, со старинным витиеватым шрифтом и не уступающими ему узорами. Все затаили дыхание. Мира же просто открыла первую попавшуюся страницу и под наши аплодисменты показала её нам. Рассказ на ней занимал меньше, чем полстраницы, но от его оформления захватывало дух. Мы все согласно кивнули.

Знающие (древнегреческая сказка)

Ещё до людей, ещё до богов жил юноша, с Хаосом дружный. Он сидел в Пустоте – ни единой травинки. Воды не текли по Земле бурными реками, а ветра не дули, неся прохладу. Был пуст юноша, как пуст был его друг. Он бродил по Пустоте, которой не было края, и думал, размышлял, мечтал. И однажды юноша спросил у бескрайней Пустоты: «А не может ли мой друг, Великий и Безграничный Хаос, сделать тебя такой же живой, как меня или его?» Пустота не ответила, но Хаос услышал своего друга. И тогда создал он вокруг Пустоты шар невидимый. Так появилась у Пустоты душа. Потекли по израненной Пустоте реки бесцветной крови. И начала Пустота оживать. Реки оросили Пустоту, и стали в ней проклёвываться ростки. Так покрылась Пустота кожей. И забилось вдруг её пустое сердце, и наполнилось оно кровью великой. Теперь Пустоту нельзя было называть пустотой. Она была больше не пустой. По ней бегали ветра и воды, трава пела свою песню. Но чего-то не хватало юноше в ней. Он долго смотрел на бывшую Пустоту, но она всё так же казалось ему пустой. Тогда Хаос наделил душу Пустоты и кожу её жизнью подобно его самой и подобно юношеской. Но были душа Пустоты и кожа её страшные: по две руки, по две ноги и по две головы. Тогда Хаос разделил их и отправил одних в один конец бывшей Пустоты, а других в другой.

Прометей тоже был знаком с юношей и знал историю его и его друга Хаоса. Он сидел и лепил из глины людей, подобных первым титанам: с двумя руками, двумя ногами и двумя головами. Но лишь они падали на землю, как разбивались на две части: с двумя руками, двумя ногами и одной головой, и бежали в разные стороны.

И только Знающие теперь могут поведать вам, куда бежали половинки одного разбившегося Целого.

Мира читала спокойно, размеренно, красиво. Делая паузы и ускоряясь. Она забыла, что читает вслух, она забыла, что кто-то в этой Вселенной ещё существует. Есть только она и книга. Я залюбовалась ей, настолько сосредоточилась на её льющемся голосе, что запомнила каждое слово, сказанное ею. Однако было в этой сказке что-то пугающее. Люди любят сочинять истории про свои вторые половинки, но было здесь что-то правдивое, во что хотелось верить. Что-то настоящее.

В комнате воцарилась тишина. Каждый понимал, что в этой сказке нет ничего особенного, но каждый хотел в этом усомниться.

Раздался стук в дверь. Джон и Мира одновременно подскочили. Кинув всем быстрое «пока», они с куртками в руках выбежали в коридор. Паша лишь закатил глаза с его привычным вздохом: «Дети», – и пошёл собираться на встречу с хозяином зала, где хотел провести свой концерт. Мы с Томом уже понадеялись, что посмотрим наконец вместе «Молитвы за Бобби», которые планировали посмотреть уже месяц, но не тут-то было. Мне решила позвонить мама и напомнить, что они будут через час. А поскольку я совсем забыла, мне нужно было быстро доехать домой и успеть убраться. Так что я покинула дом Тома так же быстро, как и мой брат, еле успев попрощаться и всё объяснить. Впрочем, всю дорогу я разговаривала с Томом по телефону, поэтому, можно сказать, мы догнали упущенное. Хотя, учитывая, что половину дороги я жаловалась на гололёд и мою ноющую после падения пятую точку... В общем, спорное утверждение.

Я прибежала домой быстрее, чем вообще считала физически возможным. Только разувшись, кинулась на кухню. Адреналин – самая сильная вещь на свете. За пятнадцать минут квартира была убрана, и я только успела повесить куртку на вешалку и переодеться, как в дверь позвонили.

Родители с Димой зашли уставшие и сразу завалились спать. А я, аккуратно упаковав подарки и спрятав их, села читать новости. Все скорбят по погибшим. Как и вчера, как и неделю назад. И это уже не страшно, это уже привычно. Я помню, что первый такой серьёзный теракт произошёл около семи лет назад, когда целую группу туристов расстреляли в песках Африки. А потом Земля словно сошла с ума. Были постоянные ураганы, пожары, падали на дома и машины деревья, случались редкие наводнения. Интересно, что никто не погиб в этих ситуациях. Будто кто-то поставил себе цель причинить миру как можно больше вреда без жертв. По новостям даже говорили, что спутник засёк неизвестный до этого архипелаг в середине Атлантического океана, но вскоре эту информацию опровергли. И вот, через полтора года после инцидента в пустынях снова погибли люди. На одном сборе фанатиков какой-то теории появился смертник и подорвал всех. Люди были безумно испуганны и впечатлены, но всё равно разделились на два лагеря: одни скорбели по погибшим, другие считали, что фанатики – это не люди и правильно, что их убили, наверняка какие-то сатанисты были. Представители других религий использовали это как прямое доказательство, что Бога фанатиков не существует, а это значит, что существует только их Бог. Странная логическая цепочка. После этого, буквально через месяц, вечером расстреляли людей в ресторане. Там погибла жена и родители председателя ООН мистера Паркмена. Многие посчитали это покушением на него самого. А уже через несколько месяцев начались регулярные теракты или стихийные бедствия с промежутком примерно в полгода-год. В последний год что-то стало происходить каждый месяц, иногда чаще. Последний месяц – каждую неделю. Последнюю неделю – каждый день. Страшно было, когда, например, бушевал ветер и деревья летали, как листья. Несколько подряд влетело в жилой дом и разрушило его фундамент. Погибло свыше ста человек, более ста пятидесяти получили сильнейшие травмы, такие как потери конечностей или рассудка. Это назвали сигналом для паники. «Никто не в безопасности», – сказала тогда ужасно испугавшаяся бабушка, и я заметила, как обычно безмятежный и спокойный папа напрягся. И это уже было моим сигналом.

Но не прошло и трёх лет, как я пользуюсь первой же возможностью и сажусь в метро, гуляю с друзьями по городу, зову всех ко мне. Мне сразу же становится стыдно. Я подвергаю себя опасности просто так, не имея на это никаких причин. Надо запомнить: никогда больше так не делать. Ну, только в самых крайних случаях.

Остаток дня я провела в телефоне. Немного, правда, почитала. Чуть-чуть. Но скучно мне особо не было. А вечером проснулась всю ночь летевшая домой семья. Джон тоже успел вовремя вернуться, и никто не узнал о его походах. Мы с ним выдумали достаточно правдоподобную историю, как вчера вместе смотрели ужастик и потом почти всю ночь не спали из-за страха, а если не прокатит, собирались сказать, что поссорились и почти подрались, но решили, что нас никто не сможет разнять, и, не желая умирать, разошлись по комнатам на остаток вечера. Звучит в нашем стиле. Во время обсуждения вчерашнего фильма, когда мы вспоминали, какой оба смотрели, из своей комнаты вышел Дима и кинулся нас обнимать, так как домой он приехал спящим на руках папы. Хоть это и была обычная проверка, но врачи всё-таки утомляют.

– Привет! Я по вам так скучал! Эти тупые врачи достали меня! – воскликнул наш восьмилетний брат. Как же быстро он растёт! Я так удивилась его настолько взрослой речи. Уже шесть лет не могу привыкнуть, что он вообще умеет разговаривать.

– Мы тоже скучали, Попрыгунчик! – Диминим голосом ответил Джон и ещё сильнее прижал брата к себе. Прозвище нашему любимому братику за его гиперактивность дали наши семейные друзья, а мы его подхватили. Я никогда не видела человека более радостного и весёлого. Ну, может, Мира могла бы составить ему конкуренцию, но победу я по-любому отдам брату.

– Как вы долетели? – первое, что пришло мне в голову, чтобы избежать неловкой паузы. И дальше мы около десяти минут слушали сначала о самолётах, затем о «маленькой пипочке», которую вставили ему в руку, а потом туда вводили все уколы, поэтому ему было не больно. Меня всю начало трясти от рассказа. Я всегда боялась вен на запястьях. Нет, я скорее боялась порезанных вен на запястьях. Хотя крови не боялась абсолютно. Это странно. А место, которое показал мне Дима, было слишком близко к венам. Наверное, я немного побледнела, поэтому он перевёл тему и стал рассказывать нам о городе. О красоте готических соборов и больших площадях. Моя мама – фанатка таких вещей. Архитектура, искусство, природа – всё это в нашей семье любим только мама и я. Иначе и быть не могло, ведь я хожу на каждую выставку с рождения. Мне действительно нравится их посещать. Я люблю картины, которые таят в себе жизнь невиданного мира; здания, показывающие, что такое сила и стойкость; леса, манящие своими невидимыми по отдельности, но околдовывающими вместе чарами. Я люблю тишину одинокого пруда или потрескивание небольшого костра в ночи. Я люблю наблюдать за огнём. За его силой, которой он подчиняет всё, что кидаешь на его территорию, и в то же время за его послушанием. Ты даёшь ему место, и он им доволен. Он не пытается его покинуть, как вода, как воздух. Огонь, наоборот, с особой яростью защищает своё пространство. Но, как только границы от него убрать, он потихоньку, будто прощупывая почву, разрастается. Он становится всепоглощающим, опасным. Хотя только что он был таким ласковым, таким добрым. Он обогревал и кормил. А теперь он убьёт и не заметит. Пожалуй, огонь – самый наглядный пример того, как власть и неограниченная сила портят и ожесточают. Я всегда любила огонь. Он не казался мне опасным. Мама говорила, что я просто никогда даже не обжигалась, вот и не понимаю всего ужаса. В этом я с ней полностью солидарна. Допускаю, что она знает лучше. Всё-таки это у неё огромный ожог на бедре, который она так старательно прячет.

– Добрый вечер! – мама вышла из комнаты, потягиваясь. Легка на помине. Она с улыбкой обняла нас и стала расспрашивать, как прошли эти три дня, на которые они нас покинули. Какой срок! Мы с братом, делая самый непринуждённый вид, на который способны в данной ситуации, начали рассказывать. По нашим словам, мы просто смотрели фильм, а потом легли

спать. Конечно, зная нашу неограниченную лень, мама нам поверила. Тем более это почти правда, только Джон в это время был на какой-то тусовке. Об этом, пожалуй, стоило умолчать. А на вторую ночь ко мне пришли друзья и случайно остались до утра, потому что стало темно и я решила, что особого вреда мне не принесёт, если они переночуют в почти пустом доме, а не пойдут по почти пустой тёмной улице. Второй день был описан почти полностью правдиво. Ну, только мы не уточнили, где был Джон, и что я гуляла и не спала всю ночь. Надо срочно пойти исповедаться.

Вскоре вышел папа в хорошем настроении, и они с моими братьями спустились в гараж за ёлкой. Это был и правда очень семейный и тёплый вечер. Мы рассказывали наши семейные легенды, которые с открытым ртом слушал Дима. У нас это своеобразный ритуал введения человека во взрослую жизнь. Сначала он должен поверить всем нашим байкам, а потом в течение года узнавать, что все они – ложь. Но больше всего нам запомнилась, конечно, становящаяся всё более нарядной ёлка, сверкающая и блестящая. Каждая игрушка на ней имеет свою историю. Одни покупали мы все вместе, другие нам дарили дорогие нашей семье люди. Мы забрызгали весь дом искусственным снегом и устроили конкурс на лучшую гирлянду из бумаги. Победила, конечно, самая аккуратная и терпеливая в нашей семье – мама. Её снежинки мы повесили над входной дверью. Дом мгновенно преобразился. Он стал таким ярким и праздничным. Он стал счастливым. Здесь все смеялись над добрыми шутками, общались друг с другом и просто жили, как делала семья Тома. Этим вечером папа не отсутствовал вторые сутки на работе, мы с мамой не ругались, Дима не притворялся, что ничего не происходит и он счастлив, делая уроки, а Джон не сидел в своей комнате, игнорируя весь мир. Я боялась, что это закончится. Мне не хотелось снова уходить в свою комнату, надевать наушники и заниматься чем угодно, только бы не чувствовать себя. Я не хотела снова садиться за уроки с усиленным усердием. Не хотела делать вид, что не слышу, как кто-то входит поговорить со мной, но, не зная, как ко мне подступиться, уходит. Мне хотелось, чтобы всю мою вечность занимал этот вечер и мои собственные мысли не могли бы его омрачить. Но ничто не вечно, и, когда папа уходит на работу, когда Джон уходит к себе, когда Дима идёт играть, а мама, решив, что больше никому не нужна, садится читать, когда я остаюсь одна в этой быстро замолчавшей гостиной, тогда я понимаю, как хочу уйти отсюда. Уйти, как Бити. На несколько дней, туда, где меня никто не будет искать. Забыть, кто я, зачем я, просто ходить, знакомиться с новыми людьми, иногда драться, иногда воровать. Уже поздно, я пропустила время прогулки с собакой. Одевшись, выхожу на свежий воздух. Присаживаясь на камень, вижу, как всё вокруг расплывается, и я нарушаю один из самых главных и важных моих принципов, одно из моих правил – никогда не плакать.

Глава 5

– ВСТАВАЙ, САЛЛИ! УЖЕ 11 ЧАСОВ УТРА! У ТЕБЯ ТЕЛЕФОН ВСЁ УТРО ЗВОНИТ! – орёт мне в ухо Дима, и я подскакиваю, падая с кровати.

– Ну и что? Я хочу спать, иди ори куда-нибудь ещё, – зло выпаливаю я, потирая ушибленный локоть. Дима лишь пожимает плечами и убегает. Через пару секунд я слышу очень громкий ор, доносящийся из комнаты моего старшего брата, и, довольная, иду на кухню. На кухне стоят две миски с творогом. Выбрав, где больше, я сажусь за стол и включаю телефон. Номер неизвестный – не буду перезванивать. Из-за этого звонка я не сразу заметила СМС от мамы, где написано, что мы едем к Катрине через час и она за мной заедет. Отправлено сорок минут назад. Чёрт! Я хотела тут же вскочить и побежать собираться, но решила всё-таки доесть. В этом вся я.

– Не подавись, – вышел злой и невыспавшийся Джон. Могу поспорить, с девушкой расстался, и она закатила ему истерику по телефону. Схватив свою миску творога, он чуть не разбил её и разозлился ещё сильнее. Мой брат сел напротив меня и с яростью начал есть свой завтрак. Я решила его не злить, поэтому тщательно старалась не рассмеяться ему в лицо, так смешно он ел. Как злой хомячок. Но смех меня окончательно одолел, когда Джон подавился. И тогда я засмеялась будто впервые в жизни. Он так страшно на меня посмотрел, что мне оставалось только убежать собираться.

Обычно я не могу собраться так быстро, но сегодня я металась как сумасшедшая, потому что мне надо было успеть. Это же не школа, это Рина. К ней я опаздывать не хочу, иначе меня расстреляют на месте. Потому что моя подруга никогда не опаздывает и ненавидит, когда опаздывают. И ненавидит – это слабо сказано. Она просто рвёт и мечет, когда кто-то опаздывает, при этом внешне оставаясь полностью спокойной. Мне кажется, опоздания – единственная вещь, которая может вывести её из себя. Это вообще, пожалуй, единственная вещь, которая может заставить её проявить хоть какую-то отрицательную эмоцию. Так что как только мама подъехала, я была готова, и уже через десять минут мы поднимались к Рине. Нас встретила Диана, мама Катрины, и тепло поприветствовала. Они с мамой очень хорошо дружат. Моя мама иногда, когда у неё есть свободное время, разрабатывает модели одежды и показывает Диане, которая, восхищаясь её талантом, отвозит их к своим знакомым модельерам, а они уже платят моей маме и выкупают у неё эти модели. Некоторые даже иногда начинают с ней сотрудничать. Она вот какой-то небольшой, но дорогой фирме нарисовала почти целую коллекцию. Моя мама частенько присутствует на модных показах, так как увлекается этим. Да у них ещё и дочери дружат. Вот они и общаются постоянно.

Диана обняла меня, обзвав Рыжиком. Хотя я совершенно не рыжая, у меня коричневые волосы, которые немного отливают красным. Это цвет корицы! Кроме Дианы, никто больше не считает меня рыжей. И каждый раз я очень злюсь и раздражаюсь, но всё никак не решусь это сказать, потому что слишком боюсь обидеть Диану.

Я тихо открыла дверь к Рине, стараясь быть незамеченной. Но только я вошла, на меня сразу же устремилось несколько пар глаз. На кровати сидела Маша, играя в карты с Риной, а у окна сидела Валя, явно жалуясь на что-то. Все выглядели удивлёнными.

– Что, не ждали? – нагло, но весело спросила я, не зная, куда себя деть. Единственным желанием было вылететь из этой комнаты от неловкости.

– Салли! – закричала Рина и подбежала обнять меня. Весь дискомфорт почти полностью испарился. Но лучше бы испарился надменный и бесящий меня взгляд Вали. Я понимаю, что ненавидеть людей – это плохо, но меня трясёт при одном её присутствии, а уж когда она открывает рот, я готова сесть в тюрьму за убийство. Маша тоже присоединилась к объятию.

– Тебе бы научиться стучать, а то ты ведь даже не предупредила, что придёшь, – осуждающе заявила мне Валя. И я честно старалась промолчать, но мне это не удалось.

– Ну извини, я же не к тебе пришла. Не знаю, что ты такого секретного делаешь, что к тебе нельзя сюрпризом заявится, но Катрина, например, максимум, что может делать, – это танцевать, а к этому я уже привыкла, так что мои глаза больше не кровоточат, – мне казалось или Валя немного покраснела от обиды. Я как бы ни на что не намекала, она сама себе всё додумала. Маша малость напряглась, одновременно сдерживая смех, а Катрина дала мне несильный подзатыльник. Впрочем, есть за что.

– Ты удивительно плохо знаешь свою лучшую подругу. Или стоит уточнить, что вы лучшие подруги только по твоему мнению? – Валя перешла на открытые оскорбления. Это значит, я вывела её из себя. Недалёкие люди никогда не могут вести войну скрытно, они сразу переходят на открытый обстрел и всегда подставляются под атаку. Я переглянулась с Риной, которая лишь закатила глаза. Я тихо усмехнулась.

– В следующий раз уточни, пожалуйста. А то я забываю всё время, – сказала я, отворачиваясь к Рине. Я быстро завела с ней беседу, пока Валя снова не открыла свой рот. К сожалению, она попыталась ещё что-то мне сказать, почти крича, но я её уже не слушала, потому что переключилась на разговор с Риной и Машей об их делах. Они, всё ещё немного расстроенные, рассказали о том, как еле успели прибежать вовремя и им пришлось наврать родителям, что их довели, а запыхались они, потому что решили посоревноваться, кто быстрее во дворе. У меня округлились глаза, ведь моя мама могла сказать, что их не было дома. Они тут же запаниковали, но вспомнили, что не говорили, кто их довёз, поэтому я быстро сообразила, что один из лучших друзей Джона совершеннолетний и может водить. И он ночевал в ту ночь у Джона, так что завёз их по дороге домой. Он клёвый парень, и мои родители ему доверяют.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.